

<Из Повести о боярыне Морозовой>

Егда же приспе брак царев, егда поят царицу Наталию¹, тогда Феодора² не восхоте на брак царев приити с прочими боярынями, и тяжко си вмени царь Алексей, понеже ей достояше в первых стояти и титлу царскую говорить³. И последи прилежнее зва ю, и до конца отречеся, рекущи, яко ноги ми зело прискорбии и не могу ни ходити, ни стояти. Царь же рече: «Вем, яко загордилася».

Преподобная же сего ради не восхоте приити, понеже тамо в титле царя благоверным нарицати и руку его целовати, и от благословения архиереев их невозможно избыти. И изволи страдати, нежелли с ними сообщатися, ведущи бо, яко се дело просто царь не покинет, яко же и бысть: все бо то лето зело на ню гневался, и начат вины искати, како бы ю аки не туне* изгнати. И уже близ есени присла к ней боярина Троекурова⁴, и с месяц понорова** князь Петра Урусова⁵ с выговором, еже бы покорилася, приняла все новоизданныя их законы; аще ли не послушает, то быти бедам великим.

Она же дерзаше о имени Господни и бояром тем отказоваше: «Аз царю зла не вем себе сотворшу и дивлюся, почто царский гнев на мое убожество. Аще ли же хочет мя отставити от правыя веры, и в том бы государь на мене не кручинился, но известно ему буди: по се число сын божий покрывал своею десницею, ни в мысли моей не приях когда, еже отставя отеческую веру и приняти Никоновы уставы. Но се ми возлюблено, яко в вере христианской, в ней же родихся и по апостольским преданием крестихся, в том хочу и умерети. И прочее довлеет ему, государю, не стужати мне, убозей ми раб, понеже мне сея наша православныя веры, седмию вселен-

* Не напрасно, не без причины.

** А спустя месяц.

скими соборы утвержденныя, никакo никогда отрещися невозможно, якоже и прежде множицею сказах ему о сем». Посланнии же пришедше и поведяху царю мужественныя словеса ея. Он же паче множае гневом распалашеся, мысля ю сокрушити. И глаголя предстоящим: «Тяжко ей братися* со мною — един кто от нас одолеет всяко».

И нача с бояры своими совет творити о ней, что ей хочет сотворити. И бысть в Верху⁶ не едино сидение об ней, думаяще, како ю сокрушать. И бояре убо вси, видяще неправедную ярость и на неповинную кровь составъ злый, не прилагаяхуся к совету — но точию** возразити злаго не могуще, страха же ради молчаху. Наипаче же царю на сие поспешествоваху архиереи и старцы жидовскня и иеромонахи римския. Тии бо зело блаженную ненавидяху, и желающе ю всячески, яко сыроядцы***, живу пожрети, понеже сия ревнителница везде будущи — и в дому своем при гостех, и сама где на беседе несуменне потязаше**** их прелесть и при множестве слышащих поношаше их блядство заблужденое, а им во уши вся сия прихождаше. И сея ради вины ненавидяху ея. И сице у них думе идущи. У Феодоры в то время в дому живяху пятерица инокинь изгнанных⁷, и прошахуся у нея, да отпустит их, чтобы и их тут не захватили. А она не можаше насытитися их любви, зело бо радовашеся, зря в нощи на правиле***** себе с ними Христу предстоящу, и на трапезе их с собою ядущих. И сего ради держа их после перваго выговору седмица яко пять, и скорбящим им глаголаше: «Ни, голубицы мои, не бойтеся! Ныне еще не будеть ко мне присылки». Княгиня же Евдокия во вся сия дни с нею и с ними такожде неразлучна баше, и любезную сестру свою в скорбех ея утешаше и точию на мало время в дом ко князю отъезжала, более же ту пребываше.

Егда же приспе ноября 14 число, рече Феодора старицам: «Матушки мои, время мое прииде ко мне; идите вси вы каяждо, аможе^{6*} господь вас сохранит, а мне благословите на божие дело и помолитесь о мне, яко да укрепит мя господь ваших ради молитв, еже страдати без сомнения о имени господни». И та ко любезне целовав, отпусти их с миром.

* Бороться.

** Только.

*** Звери.

**** Бесстрашно укоряя.

***** На молитве.

^{6*} Где.

В мясопуст⁸ же отиде и княгиня в дом свой, и сидящи с князем⁹ на трапезе и вечеряючи, начать ей князь поведовати, что у них в Верху творится, и рече: «Скорби великия грядут на сестру твою, понеже царь неукротимым гневом содержим, и изволяет на том, что вскоре ея из дому изгнати». И сия изрек князь, начать другая глаголати: «Княгиня, послушай, еже аз начну глаголати тебе, ты же внемли словесем моим. Христос во Еуангелии глаголет: предадут вы на сонмы, и на соборищих их бият вас, пред владыки же и царя ведени будете мене ради во свидетельство им. Глаголю же вам, другом своим, — не убойтесь от убивающих тело, и потом не могущих лишше что сотворити¹⁰. Слышиши ли, княгини? Се Христос сам глаголет, ты же внемли и напамятуй». Княгиня о сих глаголах зело радовашеся.

Во утрие грядущу князю ко царю в Верх, моли его княгини, яко да отпустит ю к Феодоре. Он же рек: «Иди и простися с нею, точию не косни тамо*, мню бо аз, яко днесь присылка к ней будет». Она же пришедши и укусне в дому ея до ноци. И ждущим им гостей. И се во второй час ноци¹¹ отворишася врата болшия. Феодора же в мале ужасшися, разуме, яко мучители идут, и яко преклонися на лавку. Благоверная же княгиня, озаряема духом святым, подкрепи ю и рече: «Матужка-сестрица, дерзай! С нами Христос — не бойся! востани, — положим начало»¹². И егда совершиша семь поклонов приходных¹³, едина у единой благословишася свидетельствовати истину.

Феодора возляже на пуховик свой¹⁴, близ иконы пресвятыя Богородицы Феодоровския¹⁵. Княгиня же отиде в чулан, иже устроен в той же постелной**, его же содела Феодора наставнице своей Мелании¹⁶, и тамо княгини подобне возляже.

И се Иоаким, архимарит Чюдова монастыря¹⁷, грядяше с великою гордостью и вниде в постелную дерзьско и виде ю возлежащу, поведа ей послана себе быти от царя, и понуди ю, яко да востанет, да, или стоящи или поне*** сидящи, ответ творить противу царских словес, повеленных ему глаголати пред нею. Она же не повинуся сего сотворити. Тогда архимарит истяза**** ю: «Како, — рече, — крестнися и како еще молитву твориши?». Она же, сложа персты по древнему преданию святых отец и отверзши преосвященная уста своя и воспе: «Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Сиче аз крещуся, сиче же и молюся».

* Только не задерживайся там.

** Спальне.

*** Хот бы.

**** Испытывая.

Архимарит же паки второе истязание принесе: «Старица Меланья, — а ты ей в дому своем имя нарекла еси Александра, — где она ныне? — повеждь вскоре, потребу бо имама о ней».

Блаженная же Феодора отвеща: «По милости божии и молитвами родителей наших, по силе нашей, убогий наш дом отверсты врата имяше к восприятию странных рабов Христовых. Егда бе время, бысть и Сидоры, и Карпы, и Меланьи, и Александры; ныне же несть от них никого же».

Думный же Иларион Иванов¹⁸ ступи в чюлан и не бе в чюлане света, и виде человека возлежаща на одре, и вопросы: «Кто ты еси?». Княгиня же отвеща: «Аз князь Петрова жена есмь Урусова». Он же яко утравився и яко огнем опаляем, вспять вскочи. Видя же архимарит думнаго сие сотворша, и рече: «Кто тамо есть?» Он же рече: «Княгиня Евдокия Прокопиевна, князь Петра Урусова». Архимарит рече: «Вопроси ю, како крестится». Он же, не хотя сего сотворити, глаголя: «Несмы послани, но токмо к бояроне Феодосии Прокопиевне». Иоаким же паки: «Слушай мене, аз ти повелеваю: истязи ю». Тогда думный приступл, вопросы ю и исповеда; и не отвержесе*, но возлежащи на одре и левыя руки локтем подкрепляющися, и десницею сложа персты — великий палец со двема малыми, указательный же с великосредним протягши и показуя думному, глаголяше усты, господа Исуса сыном божиим величаючи: «Сице, рече, аз верую». Думный же, изшед, поведа архимариту. Он же, от великия ярости не могий надолзе терпети, видя свое зловерие благоверными женами попираемо, рече думному: «Пребуди ты zde, дондеже аз, шед тамо, повем сие цареви». И с словом скоро потече, и прииде ко царю. Царю же седящу посреде бояр в Грановитой полате¹⁹, и приближився близ и пошепта ему во ухо, яко же не точию бояроне ста мужески, но и сестра ея княгиня Евдокия, обретшаяся у нея в дому, ревнующи сестре своей, крепче твоему повелению сопротивляется. Царь же рече: «Никако же, аз бо слышах, яко княгиня тая смирен обычай имать и не гнушается наша служба, люта бо оная сумозбродная та». Тогда архимарит, человеконенавистне вавдаше на ню, рекущи: «Не точию конечно уподобися во всем сестре своей старейшей, но и злейши ея ругается нам». Тогда царь рече: «Аще ли тако есть, то возми и тую». Князь же Петр ту стоя и слышав сия словеса, оскорбился**, а помощи делу невозможе.

И пришед паки архимарит в дом мученицы, и елицы предстояху пред нею, тех нача истязати, рабынь ея и аще кии обрящутся от них,

* Не отказалась.

** Опечалился.

ревнующе в вере госпожи своей. Диякон же черной Иосаф, стояше вне у дверей и рече ко архимариту: «Вопроси Ксенью Иванову, истяжи Анну Соболеву»²⁰. И сотвори тако. Они же обе укрепившася и исповедаша, показующе сложение перст, и молитву творяще, о сыне божии надеющася. И поставиша их особь на страну. Прочии же убоящася всиги поклонившася. И тех поставиша ошуюю страну*.

И потом рече архимарит бояроне: «Понеже не умела еси жити в покорении, но в прекословии своем утвердилася еси, сего ради царское повеление постиже на тя, еже отгнати тя от дому твоего. Полно тебе жити на высоте, сниди долу, востав, иди отсюда!» Блаженная же ни сего хотяше сотворити. Тогда он повеле людем взяти ю и нести. И принесоша кресла и посадивше ю, повелением Иоакимовым, и несоша на низ. Сын же преподобный Иван Глебович²¹ проводи ю до средняго крыльца и поклонився ей создаи, она и не видящи его, и паки и возвратися вспять.

Феодору же и Евдокию, возложше на них на нозе железа конския**, и посадиша их в людския хоромы в подклете и заповедаша людем блюсти их стражею, и отидоша.

И по двои днии прииде паки думный Иларион и снем с ногу железа и повеле им ити, идеже поведут. Блаженная же Феодора не восхотити и повеле слугам ея нести ю. И принесше сукна и посадивше ю, несоша повелением думнаго до Чюдова монастыря, с нею же ведена и княгини Евдокию. И принесоша Феодору, и вшедши во едину от полат вселенских, и по обычаю образу Божию поклонившися, властем же мало и худо поклонение сотвори. Бяху же ту Павел, митрополит Крутицской²², и паки Иоаким, архимарит Чюдовской, и думной, и инии. Блаженная же Феодора не восхотити стоящи глаголати с ними, но сидящи ответ им творяше. И много нуждаху ю, яко да постоит, и не восхотити. Тогда Павел митрополит начат ей глаголати тихо, воспоминая честь ея и породу: «И сие тебе, — рече, — сотвориша старцы и старицы, прелестившии тя, с ними же любовне водилася еси и слушала учения их, и доведоша тя до сего безчестия, еже приведене быти честности твоей на судище». Потом же многими словесы кротяще*** ю, увещаваху, яко да покорится цареви. И красоту сына ея воспоминах, яко да помилует его, и да не сотворит дома его разорена быти своим прекословием. Она же противу всех их словес даяше им премудрыя ответы. «Несмы, — рече, — прельщена, яко же глаголете, от старцов и старец, но от истинных рабов божиих

* По левую сторону.

** Оковали ноги железными путами (кандалами).

*** Уговаривал.

истинному пути Христову и благочестию новыкох, а о сыне моем престаните ми многая глаголати; обещах бо ся Христу моему, свету, и не хощу обещания солгати и до последняго моего издыхания, понеже Христу аз живу, а не сыну». Они же видеша мужество ея непреклонное и не могуще ея препрети и восхотеша ю поне си устрашити. И рекоша ей такову главизну: «Понеже крепко сопротивляешия словесем нашим, прочее в краткости вопрошаем тя, — по тем служебником, по коим государь царь причащается и благоверная царица и царевичи и царевны, ты причастиши ли ся?» Она же мужеским сердцем рече: «Не причащуся. Вем аз, рече, яко царь по развращенным Никонова издания служебником причащается, сего ради аз не хощу». Митрополит еще: «И како убо ты о нас всех мыслиши, еда вси еретицы есмы?». Она же паки отвеща: «Понеже он, враг божий Никон, своими ересми, аки блевотиною наблевал, а вы ныне то сквернение его полизаете и посему яве яко подобии есте ему». Тогда Павел Крутицкой возопи велми, глаголя: «О, что имамы сотворити? Се всех нас еретиками нарицает!» Иоаким же и той вопияше: «Почто, о архиерею Павле, нарицаеши ю материю да еще и праведною? Несть се, несть! Не бо Прокопиева дщи прочее, но достоин ю нарицати бесову дщерь!»

Блаженная же отказоваше Иоакиму: «Аз беса проклиная; по благодати господа моего Исуса Христа аще и недостойна, обаче дщерь его есмь». И бысть ей прения с ними от 2-го часа ночи до десятаго²³.

Потом приведоша благочестивую княгиню и вопросиша. И та подобне во всем мужество показа. И паки Феодору повелеша людем и несоша ю на сукне в дом ея, и посадиша в той же подклет, иде же два дни седяху, с нею же паки и княгиню. И железа им возложиша на нозе.

Тогда блаженная Феодора рече ко княгини: «Аще нас разлучает и заточает, молю тя, поминай в молитвах своих убогую мя Феодору». Святая же Евдокия удивися, яко присно вкупе бе, а не уведо сего.

Во утрии же день по истязании их еже со властью прииде думный и принесени быша чеши* со стулами²⁴, и снемше с ног железа, и начаша чеши на выи** их возлагат. Блаженная же Феодора, прекрестивши лице свое знамением креста и поцеловав огорлие чеши***, рече: «Слава тебе, господи, яко сподобил мя еси Павловы юзы возложити на ся»²⁵. И повелено думный людем и всадиша ю на дровни, и повелено бысть конюху вести. Она же седши и стул близ себе положи. И везена

* Цепи.

** Шеи.

*** Часть оков, надеваемая на шею.

бысть мимо Чюдов под царския переходы. Руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изобразивши сложение перст²⁶, висоце вознося, крестом ся часто ограждаше, чепию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходах царь смотряет победы ея, сего ради являше себе не точию стыдетися ругания ради их, но и зело услаждатися любовию Христовою и радоватися о юзах. Евдокию же княгиню подобне обложив юзы железными и отведена бысть во Алексеевской монастырь²⁷, и тамо повелено держати ея под крепким началом, и водити в церковь.

Святая же таково мужество показа, яко всему царствующему граду дивитися храбрости ея, како доблествене сопротивляшеся воли мучителсте: не точию бо своима ногама никогда не восхоте, аще и велми нудима бе, к пеню их приити, но аще и на носиле влачаху ея рогозем, тако бо повалено бысть, то она не соизволяет еже и на носило возлещи сама. Но и здрава сущи к тому часу сотворит себе яко расслаблену и не могущи ни рукою, ни ногою двигнути. Старицам же, пришедшим и воздвигающим ю, бе иногда стужати*, и даже до сего безстыдствующи, еже святое оно и аггелолепно лице ея дерзостне заушити**, рекуци: «Горе нам! Что можем с тобою сотворити? Сами бо видехом, яко в час сий здрава бе и беседова со своими весело; егда же мы приидохом, на молитву зовуще, тогда внезапно, яко омертве, нам велики труды творящи. Се бо превращаем, яко мертву и недвижиму». Непорочная же агница отвецавает им: «О старицы беднии! Почто труждаете всеу? Еда аз вас понуждаю труд сей творити? Но сами вы безумствующе всеу шатаетесь. Аз бо и вас зря, погибающих, плачюся — како же аз сама помыслю когда ити в собор ваш? Тамо у вас поют, не хваляще бога, но хуляще его, спасителя, и законы его попирающе». И тако возлагаху святую на носило, яко мертвое тело, и влачаху к пеню. Егда же блаженная узряше кого когда от верных и знаемых стояща на монастыри и зряща тризница*** ея, глаголаше, стоня: «Увы, утомихся, станите мало». И старицы положат носило на земли. Глаголаше великая: «Старицы! Что се творите, влачаще мя? Еда аз хочу молитися с вами? Никакоже, несть право, еже со отступльшими закона Христова обще молитися нам, христианом, но реку вам нечто: прилично убо, идеже ваше пение возглашается, тамо, на нужную потребу исходя, излишне утробное испражняти — тако бо аз почитаю вашу жертву».

* Оскорблять, поносить.

** Ударять, бить.

*** Подвиг.

Феодоре же отвезене бывши на подворие Печерскаго монастыря²⁸, и приставлена бысть к ней стража крепкая: два головы стрелецкие, пременяющесе с десятию воины, стрежаху.

Елена же²⁹ с прочими сестрами крыхуся страха ради. И не могуща уведети о святей Феодоре целую неделю, и тужаху зело, и плакаху много, аки младенцы, от матери отлучени. В день же 27 ноября, на день Знамения пресвятыя богородици, обрете ю Елена божим благоволением чудне велми. Великой убо Феодоре изшедши на задней крылец, идеже исходят на нужную потребу, Елене же по улице той шедши — и тако божим мановением познастася. Бе же и на улице то место таковую же потребу имать, еже ходити ту человеком на облегчение чрева. И ту стоящи Елена приближне и беседова с Феодорою, на высоте ей стоящи. И рече блаженная: «О возлюбленная ми Елено! Ничто мене тако не оскорбило во днех сих, якоже разлучение ваше: ни отгнание из дому, ни царский гнев, ни властеское истязание, ни юзы, ни стража. Вся ми сия любезна о Христе, но зело ми тошно, еже более седмицы ни знаю, ни ведаю о вас. Господа ради, не покиньте мене, не съезжайте с Москвы, будите ту, не бойтесе, уповаю на Христа, покрывает вас. Ниже* бо о сродницех по плоти тако болезную, о вас же рыдая не престаю. Вся укреплящем мя Христе возможно ми суть, единого же сего до конца не могу терпети».

Мария же, сопричастица подвига их, во время гнева царева на блаженную Феодору, умысли бежатати. По некоему же языку** бысть за нею посылка. И ята бысть в Подонской стране, и привезена к Москве, и такожде истязана, и подобне во всем поревнова блаженныма сестрама Феодоре и Евдокии, зело бо сопротивися им, и пред всеми похвали древнее благочестие, а новых догмат отвержесе приятия. И посадиша ю оковаша, под стрелецким приказом³⁰.

К Феодоре же часто приезжаше митрополит Иларион Рязанский³¹. Она же тако мужествене с ним стязовашася, яко и велми ему посрамлену бевати и безответну множицею отходити.

Видя же себе Феодора железы тяжкими обложену и неудобством стула томиму, радовашесе. О едином же скорбяше и к наставнице своей матери Мелании своею рукою писаша: «Увы мне, мати моя, не сотворих ничтоже дела иноческаго. Како убо возмогу ныне поклоны земныя полагати? Ох, люте мне, грешнице! День смертный приближается, аз унылая, в лености пребываю! И ты, радость моя, вместо поклонов земных благослови мене Павловы

* Не так.

** По некоему же доносу.

юзы Христа ради поносить. Да еще еще волиши, благослови мне масла кравия, и млека, и сыр, и яиц воздержатися, да не праздно мое иночество будет и день смертный да не похитит мя неготову. Едина же точию повели ми постное масло ясти». Мати же на страдание подаде ей благословение, рекущи: «Стани доблествене *страждущи о имени господни*, и господь да благословит тя юзы его ради носити, и поиди, яко свеща, от нас к богу на жертву; о брашнях же вся прилучающаяся да ясти».

Царю же по взятии Феодорине во многи дни сидящу с бояры своими и мыслящу, что бы ей сотворити за мужественое ея обличение. Феодора же, брата ея, призвав пред ся, велми изязоваше его о многих вещех, вопрошая его: «Повеждь ми — где Мелания? Ты вся тайны сестры своя свеси», — и велми на Феодора належаше гневом.

А Ивана Глебовича приказал беречи людем. Отрок же от многия печали впаде в недуг. И приела к нему лекарей своих, и так его улечиша, яко в малех днех и гробу предаша. И умершу Ивану. Прислан сказати Феодоре смерть сына ея поп никониянин, иже злоумен сый, досаждаше святей, приводя от псалма 108-го глаголы, реченныя о Иуде. Нечестивый безскуфейник ко блаженней приписоваше, якобы сего ради, занеже отвратися веры их приити на ню божию наказанию. И еже положитися дому ея пусту и живущаго не имети. Премудрая же разумница не внимаше о сем буети* их; уведевши же смерть возлюбленнаго си сына, оскорбися велми и падши на землю пред образом Божиим умилным гласом плакаше, рыдаючи вещаше: «Увы мне, чадо мое, погубиша тя отступницы!» И пребысть на мног час, не востаючи от земли, воспуцаючи о сын си надгробныя песни, яко и инем слышащим рыдати от жалости.

Царь же о смерти Иванове порадовася, яко свободнее мысляще без сына матерь умучити. Не точию же се, но и двою брату ею Феодора и Алексея, оваго на Чугуев, оваго на Рыбное яко бы на воеводство, паче же в заточение поотсла³². Феодор бо на власти своей толико обогатися, яко и своих рублей тысячу прожил. Се же царь творяше от великия злобы на блаженную, мысляше, яко да ниоткуда же никакже никакова рука да не приблизится, помогаючи им в скорбех тех великих, но обаче Бог бяше с ними.

После Ивановы же смерти все имение расточи: отчины, стада коней разда бояром, а вещи все золотыя и серебряныя и жемчужныя и иже от драгих камней все распродати повеле. И разоряюще полату множество золота обретоша в стене заздано**. Един же от раб

* Неистовству.

** Замуровано.

Феодориных Иван повелением госпожи своея некия драгия вещи положи у некоего, мящася верна быти. И наваждением жены его предан бысть и мучен велми, огнем жгом и прочее истязаем ошестером*. И вся претерпе доблествене и аки добрый раб, и верный нелицемерне поревнова госпожи своей. Наконец сожжен в Боровске с прочими мученики.

Посем же якобы умилися царь, повеле дати Феодоре две от рабынь ея, яко да послужат ей в юзах ея. И притекоша с великою радостью Анна Аммосова и Стефанида³³, прозываема Гнева, и служажу ей. Княгине же праведней аще и не достася по жребию рабыня на службу ея, воздвиже бог честнейшу от рабынь господскую дочь послужити господству ея. Акилина девица, боярская дочь³⁴, всегда служила ей, приходя к ней и отходя. Последи и сама Акилина пострижеся и наречена бысть Анисия.

Марии же тамо сидящи и беду приимаше более обою сестр — безстуднии воини пакости творяху ей невежеством. Прихождаху же к ней и попы никонианския и много ея смущающе и укоряюще яко расколницу. Единою же приидоша к ней яко бес со дияволом, сиреч поп со дияконом, и нуждаху ея да прекрестится трема персты, и не хотяше. Они же, обезстудившеся, яко же пси, приближившеся, окаяннии, начаша персты ея ломати, складовающе щепоть. Она же гнушающися, глаголаше: «Несть се крестное знамение, но печать антихристова». Они же противо: «Ни, не тако, но сии два перста, яже ты слагаеши, показуя крест свой, младенцы, егда калом ся умажут, тогда матери их сима двема перстома гной их оскребают». Тако бо злочестивии умеюще лаяти!

И сице им всем трем по разным местом сидящим и терпящим о имени господни.

Лета того сподоби бог великую Феодору в юзах и за крепкою стражею причаститися от руку преподобнаго отца Иова Лговскаго³⁵, о нем же и прежде речеса. Бысть же дивно. Понеже у нея на карауле един голова милостив к ней зело, молит его святая, рекущи: «Егда бех в дому моем, во едином от сел наших служаше некий священник, стар сый, и бяше милость наша к нему. Ныне же слышах, яко zde он. Жаль ми его, старости ради. Аще есть твоя милость к нашему убожеству, повели, да призову его». И повеле. И прииде старец святой ко святей мучениц, яко Варлаам ко Иосафу³⁶, безценный бисер подати белецким образом. И грядущу ему в сенех и сам голова, востах, поклонися ему. И сподобив мученицу прияти тело и кровь Христову, и отиде. Толико же умилися блаженный старец, зря

* Значение слова неясно. Шестихвостая плеть (?).

великое страдание великия госпожи, яко последи невозможно ему без слез воспомянути ея.

Бысть же и се паки дивно. Обе сии сестры едиnorodныя, великая, глаголю, Феодора и благоверная Евдокия, вожделеста в жизни сей видетися в лице и побеседовати. И молястася всесилному богу, яко да утешит их. Последи Евдокия рече княгине своей, у нея же в келии седяше: «Госпоже, ты веси болезнь детскую? И се аз оставих их Христа ради — аще обретох благодать пред тобою — пусти мя в дом мой, яко да целовав их и утешив и сама утешуся, и прежде вечера паки возвращуся дозде. А никто же не возможет увести вещь сию, точию ты и аз. А возможе по сему быти, аще восхощещи точию помилovati мя: се бо днесь полудневная година, а игумения в гостех и старицы разыдошася, и людей на монастыре мало, а аз, фатоу покрывшеся, пройду, и никто же узнает мя». Княгиня ж та паче чаяния человеческого пусти мученицу княгиню, повеле оставити образ пресвятая Богородицы, рекущи: «Вем аз, како ты любиши образ владычецы нашея; остави ми его zde и иди с миром, и вем, яко она, помощница, возвратит тебе семо». И иде блаженная, и грядущи ей путем навади бес неких злых человек, и глаголаху другъ ко другу: «Имите ю, беглая естъ!» Она же смело отказоваше*. И снидеся на пути с Еленою, и приидоста до Печерскаго подворья. Дворница же поведя Феодоре пришествие их. Блаженная сосла от себе рабу свою Анну, а вместо ея к ней взыде княгиня Евдокия и на крыльце мимо ногъ караульщика прошла, ему мнящу та же Анна идет. И беседоваста любезно мученица со исповедницею. И позавиде диавол, и подвиже бурю, и познана бысть вещь, и крамолу воздвигоша вси десятирица воин. И призвавши Феодора, умоли начальника. Он же умоли воины и умолкоша. Мученицам же бысть се к блаженшему: повеле бо голова гостыи той начевати у нея, да аз, рече, нощию отпущу ея тайно. Святии же нощь тую всю ликовашу, беседующе. И к свету отиде Евдокия, и проводи ю Елена, и прииде в монастырь, и все утаися, и утишися. Елена же седящи и им служаше, потребная им строяше: и пищу, и одежды, и овогда сама ношаше, овогда же со инеми посылаше.

К Евдокии же не единою приежжал и Михайло Алексеевич³⁷, и у окна стоя со умилением глаголаше: «Удивляет мене ваше страдание, едино же смущает мя — не вем, аще за истину терпите?».

Множество же велможных жен приежжаху, и от простых людей притекаху на зрение, како влачаху княгиню на носиле. Наипаче же

* Отвечала.

велможнии тии преизлиха любезне дивляхуся и аки о сроднице своей болезноваху. Видевши же сие игумения и сугубыми помыслы содержима бе*: ово жалостию преклоняшеся о страдании ея, помышляючи сан ея велможный, ово же и возмущашеся, видя, яко сие влачение паче ей к прославлению — вси бо народи срищутся на видение терпения ея. И сия помыслив, приходит к патриарху Питириму³⁸, тогда сущу, и поведа ему о вещи, како у них в монастыри деется и каковая княгиня седит и за кую вину — ему бо того не ведущу, яко прежде его посаждени быша. Вопрошающе же ему опаснее** игумению, прилично стало игумении и о Феодоре вспомянути. Конечнее же патриарх рече игумении: «Иди ты, аз о сем цареве имам вспомянути».

И потщався к царю, и вспомяну ему о великой Феодоре и о блаженной княгине. «Аз, — рече, — тебе, государю, советую боярону ту, Морозову вдовицу, кабы ты изволил паки дом ея отдати ей и на потребу ей дворов бы сотницу христиан дал, а княгиню ту тоже бы князю отдал, так бы дело то приличнее было; женское бо их дело, что они много смыслят?»

Тогда рече царь: «Святейший владыко, аз бы давно сие сотворил, но не веси ты лютости жены тоя. Аз бо, како ти имам поведати, елико ми ся поруга и ныне ругается Морозова та. Кто ми такова злая сотвори, яко же она? Многи бо ми труды сотвори и велия неудобства показа. И аще не веруеши словесем моим, то изволи искусити собою вещь и призвав ю пред ся — вопросы. И тогда увеси крепость ея; и егда начнеши ю истязати — тогда вкусиши пряности ея. И потом что повелит твое владычество, то и сотворю и не ослушаюся отнюд словесе».

И во 2 час ночи поемше Феодору и с юзами, и посадивше на дровни, и сотнику повелено тамо ити. И привезоша ю в Чюдов и введоша во Вселенскую полату³⁹. И бе ту стоя Питирим патриарх и Павел митрополит и инии власти. И от градских начальник немало. Великая же предста на сонме***, нося на выи оковы железный. И впервых патриарх рече: «Дивлюся аз, яко тако возлюбила еси чепь сию и не хощеши с нею и разлучитися». Святая же обрадованным лицом и веселящимся сердцем рече: «Воистину возлюбих и не точию просто люблю, но ниже еще насладихся вожделенного зрения юз сих. Како бо и не имам возлюбите сия? понеже аз, таковая грешница, благодати же ради божия сподобихся видети на себе, купно же

* Противоречивыми мыслями охвачена была.

** Тщательнее.

*** Сборище.

и поносить Павловы юзы, да еще за любовь едиnorodнаго Сына Божия!» Тогда патриарх: «Доколе имаша в безумии быти? Полно льядов нрава держатися!⁴⁰ Доколе не помилуеши себе, доколе царскую душу возмущаеши своим противлением? Остави вся сия нелепая начинания и послушай моего совещания, еже милуя тя и жалея предлагаю тебе: приобщися соборней церкви и росийскому собору, исповедався и причастився». Отвеща блаженная: «Некому исповедатися, ниже от кого причаститися». Паки патриарх: «Много попов на Москве». Глагола святая: «Много попов, но истиннаго несть». Еще патриарх: «Понеже велми пекуся о тебе, аз сам на старости понуждуся исповедати тя и потрудитися — отслужи, сам причащу тебе». Премудрая же паки глаголя: «И что ми глаголеши, еже сам? Аз не вем, что глаголеши. Еда* бо разньство имаша от них? еда не их волю твориши? Егда бо был еси ты митрополитом Крутицким и держался обычая христианского, со отцы преданнаго на шея русския земли, и носил еси клобучок старой⁴¹ — и тогда ты нам был еси отчасти любим. А ныне, понеже восхотел еси волю земнаго царя творити, а небеснаго царя и содетеля своего презрел еси, и возложил еси рогатый клобук римскаго папы⁴² на главу свою, и сего ради и мы отвращаемся. То уже прочее не утешай мене тем глаголом, еже аз сам, ниже бо аз твоя службы требую».

Тогда патриарх глагола архиереом своим: «Облецыте мя ныне во священную одежду, яко да священным маслом помажу чело ея, яко негли приидет в разум; се бо, якоже видим, ум погубила есть». И облекоша его, и масло принесоша, и взял спицу, сущую в масле⁴³, и нача приближаться ко святей. Она же дотоле сама на ногах отнюд не стояла, но поддержали ее сотник со инем, и она, на их руках вся облегши, с патриархом говорила; егда же зрит его к себе идуща, сама ста на ногах своих и приготовася яко борец. И митрополит Крутицкой протяг руку, единою поддержка патриарха, а тою хотя приподняти треуха⁴⁴, иже на главе блаженныя, яко да удобно будет помазати патриарху. Великая же отпхну руку тую и рече: «Отиди отсюду!», — и отрину руку его и со спицою: «Почто дерзаеши и не искусно хочещи коснуться нашему лицу? Наш чин мошно тебе разумети!»

Патриарх же, поомочав спицу в масле и протяг руку свою, хотя ю знаменати на челе. Преблаженная же, яко храбрый воин велми вооружився на сопротивоборца, напротиво ему свою руку протягши и отрину руку его и со спицою, вопия и глаголя: «Не губи мя, грешницу, отступным своим маслом!». И позвяцав юзами, рече:

* Разве, неужели.

«Чего ради юзы сия аз, грешница, лето целое* ношу? Сего бо ради и обложена есмь юзами сими, яко не хочу повинутися, еже общите ми ся вашему ничесому же. Ты же весь мой недостойный труд едином часом хочещи погубити. Отступи, удалися! Не требую вашей святыни никогда же».

Слышав сия патриарх и не терпя многого срама, разгневался зело и от великия горести возопи: «О исчадие ехиднино! Вражия дщи, страдница**!» И возвращался от нея вспять, ревый, яко медведь, крича, зовый: «Поверзите ю долу, влеките нещадно! И яко пса чепию за выю влачаще, извлеките ю отсюда! Вражия она дщерь, страдница, несть ей прочее жити! Утре страдницу в струб!»

Блаженная же отвеща тихим гласом: «Грешница аз, но обаче несть вражия дщерь, не лай мя сим, патриарх: по благодати бо спасителя моего Бога Христова есмь дщерь, а не вражия. Не лай мя сим патриарше!»

И по повелению патриархову повергоша ю долу, яко мнети ей главе ея разсочитися. И влекуще ю по полате сиде сурово, яко чаяти ей ошейником железным шию надвое прервав, главу ея с плечь сорвати им. И сиде ей влекоме с лестницы все степени*** главою своею сочла. И привезоша ю на тех же дровнях на Печерское подворье в девятом часу нощи.

Тоя же нощи и того же часу ставил предо собою патриарх и княгиню Евдокию и Марию, мня, еда како которая от них повинется, и не бе сего. Благодатию бо божиею укрепляеми свидетелствоваху крепце и являхуся, яко о имени господни готовы умерети, нежали любве его отпасти. Покуси же ся патриарх и благоверную княгиню такожде помазати; святейшая же страстоносица еще дивейши сотвори. Яко же убо древле самаряныи Фотиния при Нероне кесари сама со главы своя своими *руками кожду* садра и верже на лице мучителево — сиде и наша трихраборница, егда видь патриарха с масленою спицою идуща к ней на помазание, вскоре покрывало главы своя снем и простовласу себе сотвориши⁴⁵, возопи к ним: «О безстуднии и безумнии! Что се творите? Не весте ли, яко жена есмь?». Они же вторым студом посрамившеся, пребыша безделни. Святей же тако избывши от помазания их и по скончании вопрошения развезоша и тех по своим им местам.

Патриарх же, не могий своего безчестия терпети, поведя вся цареви, наипаче же жалобу ему приношаше на великую Феодору. Царь же

* Целый год.

** Холопка, работница.

*** Ступени.

ему отвечаваше: «Не рех ли ти прежде лютость жены тоя? Аз бо искусихся и вею жестокость ея. Ты бо единою се видел еси деяние, ея, аз же колико лет имам, терпя от нея и не ведый, что сотворити ей». И сице глаголюще совещахася обще, еже мучити их. И аще ты не покорятся и потом подумати, что будет достойно им сотворити. И паки в другую ночь, во второй час ночи, свезени быша вси трие мученицы на ямской двор. На том же дворе собрано было людей множество, и посадили мучениц в ызбе, а в ней от множества людей тесно. Святити же, сидяще по углам в темне между множества человек, кажда мяше, яко едина есть, не мняху бо, яко мучити их хотят, но надеяхуся, яко последи распроса в заточение куда хотят послати. Последи же Феодора уразуме, яко не в заточение, но на муки привезена. Извести же ся ей, яко и двоица мучениц ту есть; невозможно же беседовати и с ними, и укрепить их на терпение. Она же позвяца юзами, а мыслию рече: «Любезнии мои сострадалницы, се и аз ту есмь с вами; терпите, светы мои, мужески, и о мне молитесь». К Евдокии же и руку протягши сквозе утеснение людское, и ем за руку княгиню, и согнеувши ея велми крепко, и рече: «Терпи, мати моя, терпи!»

Бяху же приставлени над муками их стояти князь Иван Воротынской, князь Яков Адоевской, Василей Вольнской⁴⁶.

И в первых приведена бысть ко огню Мария. И обнажив до пояса, и руки назад завязали, и подныша на стряску⁴⁷, и, снем з дыбы, бросили на землю. И потом ведуще княгиню ко огню, и узреша покров треуха, и реша мучители: «Почто тако твориши — во опале царской, а носиши цветное?»⁴⁸. Она же отвеща: «Аз не согреших пред царем». Они же содраша покров, а ей испод един вергоша, и обнаживше и ту до пояса, и подныша на стряску, рукам опако* связаным. И снемше со древа⁴⁹, вергоша и ту близ Марии. Последи же приведоша ко огню и великую Феодору. И начат ей глаголати князь Воротыньской многая словеса, глаголющи: «Что се сотворила еси? От славы в безславию прииде. И кто ты еси, и от какова рода? Се же тебе бысть, яко приимала еси в дом Киприяна и Феодора юродивых⁵⁰ и прочих таковых, и их учения держася, царя прогневала еси». Добляя же отвеща: «Несть, наше велико благородие телесное и слава человека суетная на земли; иже изрекл еси несть от них ничтоже велико, занеже тленно и мимоходяше. Прочее убо престав от глагол своих, послушай еже аз начну глаголати тебе. Помысли убо о Христе — кто он есть и чий сын? и что сотвори? И аще недоумеваешися, аз ти реку: той господь наш, сын сый божий и бог, нашего ради спасения небеса оставль и воплотися, и живяше все

* Назад.

во убожестве, последи же и распятыя от жидов, яко же и все от вас мучимы. Сему не удивляеши ли ся? А наше ничто же есть».

Тогда власти, видяще дерзновение ея, повелеша ю взяти и рукавами срачицы* ея увиша по концех сосец и руки наопако завязаша и повесиша на стряску. Она же победоносная и ту не молчаше, но лукавое их отступление укоряше. Сего ради держали ея на стряске долго, и висла с полчаса, и ремнем руки до жил протерли. И снемше и ту третью к тем же двема положиша. И сице им ругашеся безчеловечно, оставиша их тако на снегу лежати нагим спинам их, и руки назад выломаны. И лежали часа три. И инья козни творили: плаху мерзлую на перси клали, и ко огню приносили всех, и хотеша жещи, и не жгоша. Последи же, егда вся козни совершиша, и воставшим мученицам, и обнажение телесе покрывша две; третью же, Марию, положиша при ногах Феодоры и Евдокии, и биена бысть в пять плетей немилостивно, в две перемены — первое по хребту, второе — по чреву. И думный Иларион глаголаше двема мученицам: «Аще и вы не покоритесь, и вам сице будет». Феодора же, видя безчеловечие и многи раны на святей Марии и кровь текущу, прослезися и рече Илариону: «Се ли христианство, еже сице человека умучити?» И посем развезоша их по местам в десятом часу ноци. И во утрии день сотвори царь сидение думати о них, что над ними *учинить*. А на Болоте⁵¹ струб поставили. И патриарх велми просил Феодоры на сожжение, да бояре не потянули, а Долгорукой малыми словами да много у них пресек⁵². Тогда Феодора три дня хлеба не яде и воды не пи, тшашеся умрети. А мати Мелания на Болоте у струба была, и пришед того же дне ко святей Феодоре, и язвы рук ея целова, и глаголя: «Уж и дом тебе готов есть, велми добре и чинно устроен, и соломою целыми снопами уставлен; уже отходиши к желаемому Христу, а нас сиры оставлявши!»

Феодора же любезне у матери благословилася ити в вечный путь. И целовашеся. Мати рыдаючи отиде к Евдокии и ей таковая же благовествоваше, и у окна стоя, и зря на княгиню, и слезами омываяся, глаголаше: «Гости вы есте у нас любезнии, днесь или утре отходите ко владыце, но обаче идите сим путем, ничтоже сумнящеся. Егда же предстанете престолу вседержителя, не забудьте и нас в скорбех наших».

Сему же чаему бывшу, бог же не тако сотвори, но еще страдати мученицам надолзе изволи.

Марии же, по престатии биения, полотенце вода по спине своей, все смочила кровию и посла Иоакинфу своему⁵³. В третий же день

* Сорочки, рубашки.

со спины струпие велие спадоша, яко чешуя. И просиша у нея мученицы и не хоте дати за смирение, последи же принуждена, даде им и прочим.

По триех же днех после мучения присла царь ко Феодоре голову стрелецково Юрья⁵⁴, сице глаголя: «Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица!⁵⁵ Молю тя аз сам, послушай совета моего. Хощу тя аз в первую твою честь вознести. Дай мне таковое приличие людей ради, что аки недаром тебя взял — не крестися треме персты, но точию руку показав, наднеси на три те перста! Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица! Послушай, аз пришлю по тебя каптану свою царскую и со аргамаками своими, и придут многие бояре, и понесут тя на головах своих. Послушай, мати праведная, аз сам царь кланяюся главою моею, сотвори сие!»

Видевши ж сие Феодора и слышавши, рече посланнику: «Что твориши, человече? Почто ми поклоняешься много? Престани, послушай, еже аз начну глаголати. Еже государь сия словеса глаголет о мне — превыше моего достоинства. Грешница аз и не сподобихся достоинства Екатерины, великия мученицы. Другое же паки, еже наднести ми на триперстное сложение, — не точию се, но сохрани мя сыне божий, еже бы ми ни в мысли когда помыслити сего о печати антихристове. Но се убо ведомо вам буди, яко никогда же сего, помощию Христовою сохраняема, не имам сотворити, но убо аще и аз сего не сотворю, он же повелит мя с честью вести в дом мой, то аз, на главах несомая бояры, воскричу, яко аз крещуся по древнему преданию святых отец. А еже *каптаную мя своею* почитает и аргамаками⁵⁶ — поистине несть ми сие велико, быша бо вся сия и мимо идоша. Ежживала в каптанах и в коретах, на аргамаках и бахматах⁵⁷. Сие же вмению в велико, да поистинне дивно и есть, еже аще сподобит мя Бог о имени его огнем сожжена быти во уготованнем ми от вас струбе на Болоте: сие ми преславно, понеже сее чести не насладихся никогда же и желаю такового дара от Христа получить». Сие святей рекши, умолче голова.

Питирима же патриарха вскоре постиже суд божий и лютою смертию живота разлучися.

Феодору же с Печерскаго подворья повеле царь перевести в Новодевичь монастырь того ради, чтобы ей туды никто никакой потребности не приносил. И повеле ю держати под крепким началом и влачити к пению. Она же велие мужество показа и всего их повеления во всем до конца отвратися. И прославляше Бог угодницу свою: елицы убо от велможных жен толико множество притецаху, яко монастырю всему заставлену быти рыдванами и коретами⁵⁸.

Вси же не молбы ради прихождаху, но да узрят святое и аггелолепное лице ея и крепкое терпение ея видят. И любезнии ея и кто ей потребен не точию на Печерском подворья, но и ту, Богом покрываеми, прихождаху к ней и утешаху страдалческое сердце ея.

Царь же, не терпя сего зрети, еже приходити ту многим велможным на удивление страдания ея, и повеле ю привести паки в Москву в Хамовники⁵⁹. И приведена бысть к старость на двор, той же обрадовася радостью великою. И прихождаше ту к ней наставница Мелания на посещение и Елена, служительница юзам ея. И ликоваху обще со многими слезами.

Потом рече царю сестра его старейшая Ирина⁶⁰: «Почто, брате, не в лепоту твориши и вдову ону бедную помыкаеши с места на место? Нехорошо, брате! Достойно было попомнити службу Борисову и брата его Глеба». Он же зарыча гневом великим и рече: «Добро, сестрица, добро! Коли ты дятчишь* об ней, тотчас готово у мене ей место!»

И вскоре посла в Боровеск, в жестокое заточение, иже на то устроеный тамо острог и в ней земляная тюрьма. И вниде Феодора в темницу, радующися и обрете в ней сидящу инокиню, Иустину именем, заточену тоя же ради веры.

Блаженная же княгиня, слыша возлюбленную свою сестру и соузницу, вдаль от нея отвезену, и, яко младенец по матери, горце рыдаше. Подобна же и страстотерпица Мария. Всевидящее же *око божие, виде стонание их, и не презре*, но просимой ими от него восхоте им даровати и к великой страдалице причтати** неразлучно.

Бысть же сице. Повеле Алексей царь и княгиню тамо же свести. И яко приближися к темнице и отверзающи двери и зело радуяся, сотвори молитву. Феодора же, яко узре любезную свою и прием ю за обе рuce, возопи светлым гласом: «О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь»⁶¹.

* Печешься, заботишься.

** Присоединить.